

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ «КОЛО»

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ТЕОРИИ
И ИСТОРИИ АРХИТЕКТУРЫ И ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
МУЗЕЙ АРХИТЕКТУРЫ ИМ. А. В. ЩУСЕВА

**ВЛАДИМИР
АЛЕКСЕЕВИЧ
ЩУКО**

Л. А. Ильин

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ «КОЛО»

2021

УДК 72
ББК 85.113(2)1
И46

Ильин, Лев Александрович.

И46 Владимир Алексеевич Щуко / сост., подготовка текстов, ред., предисл., коммент. и библиограф. И. Е. Печёнкина и О. С. Шурыгиной. — Санкт-Петербург : Коло, 2021. — 212 с., 12 с. ил.
ISBN 978-5-4462-0155-6

Книга выдающегося советского архитектора, общественного деятеля и историка архитектуры Л.А.Ильина (1879–1942) посвящена жизни и творчеству Владимира Алексеевича Щуко (1878–1939), одному из видных представителей культуры первой половины XX в., неординарному архитектору, графику и театральному художнику.

Текст, написанный в середине XX в. и прежде не опубликованный, дополнен списками проектных и театральнo-декоративных работ, автобиографией В.А.Щуко и воспоминаниями о нем архитектора В.А.Мунца. Издание также снабжено предисловием и комментариями И.Е.Печёнкина и О.С.Шурыгиной.

Издание адресовано историкам архитектуры, искусствоведам, а также широкому кругу читателей.

УДК 72
ББК 85.113(2)1

- © И. Е. Печёнкин, предисл., коммент. и примеч., 2021
- © О. С. Шурыгина, предисл., коммент. и примеч., 2021
- © Правообладатели, иллюстрации, 2021
- © Оформление. ООО «Издательский дом „Коло“», 2021

ISBN 978-5-4462-0155-6

ОГЛАВЛЕНИЕ

От составителей	7
Введение	17
Глава I. [Очерк биографии] В.А.Щуко	20
Глава II. [В.А.] Щуко в рисунке и живописи	43
Глава III. Архитектурное творчество [В.А.] Щуко до революции	61
Глава IV. Работы [В.А.] Щуко по театру	100
Глава V. Архитектурное творчество [В.А.] Щуко после Октябрьской революции	115
Глава VI. Дворец Советов	152
Заключение	165
Перечень основных проектных работ [В.А.Щуко]	172
Автобиография В.А.Щуко (1911)	179
В.О.Мунц. Воспоминания об архитекторах В.Г.Гельфрейхе и В.А.Щуко (1971)	180
Комментарий	186
Библиография	196
Указатель имен	200
Список сокращений	204
Список иллюстраций	205

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

КНИГА, предлагаемая вниманию читателя, была написана в середине прошлого века. Ее герой — крупный русский и советский архитектор, художник и сценограф Владимир Алексеевич Щуко (1878–1939) — завершил свой жизненный путь на пике профессиональной карьеры. Придя в искусство в самом начале столетия, он уже в дореволюционные годы снискал известность как незаурядный мастер архитектуры и рисунка, а после 1917 г. эта репутация только упрочилась, дополнившись славой яркого театрального художника. В зодчестве Щуко сравнительно легко переходил от одного стиля к другому, от неоклассики к конструктивизму, а от этого последнего — к монументальному советскому ар-деко, концентрированно воплощенному в многочисленных вариантах проекта Дворца Советов.

Эта работа была кульминацией творческой судьбы Щуко, выдвинув его наряду с Б. М. Иофаном и В. Г. Гельфрейхом, соавторами утвержденного проекта Дворца, в число избранников эпохи. Архитекторы стали публичными фигурами, регулярно выступали в печати, подчеркивая свое воодушевление от возложенной на них задачи¹. Из всех троих только Щуко не было суждено узнать, что грандиозный замысел так и останется на бумаге. Оказанные ему посмертные почести являлись исключительными: для увековечения памяти Щуко была создана особая комиссия, его творческие материалы предполагалось сконцентрировать в Музее архитектуры, именем покойного хотели назвать Плотников переулок в Москве и Тверскую улицу в Ленинграде². Печать откликнулась на смерть Щуко массой публикаций, среди которых наряду с краткими некрологами были очерки коллег, пытавшихся осмыслить значение ушедшего мастера. В 1940 г. увидел свет альбом его рисунков и акварелей со вступительной статьей искусствоведа М. В. Бабенчикова³. Увенчать эту публикационную деятельность должна была отдельная монография о Щуко, и она была создана.

10 июля 1941 г. автор рукописи, архитектор Л. А. Ильин (1879–1942), передал ее для хранения в архив Кабинета теории и истории Всесоюзной академии архитектуры. Написанию труда предшествовала небольшая, но богато иллюстрированная статья в журнале «Архитектура Ленинграда»⁴. В ней, при всём

*От состави-
телей*

лаконизме формы, Ильин уже обозначил структуру и ключевые тезисы будущей книги. По неизвестным причинам некоторые мысли из статьи не получили развития в большой рукописи или вовсе в нее не попали. Это касается, в частности, такого любопытного свидетельства:

«В своей творческой практике Щуко не замыкался в кабинете; его видели на лесах, в общении со штукатуром и, что еще редко было в 10-х годах нашего века,— с каменщиком, на строительстве домов на Каменноостровском, с живописцем и скульптором; он зачастую помогал, а иногда и заменял последних, как это было на отделке Кафе-де-Франс, Памятного зала Академии художеств»⁵.

Однако возвратимся к рукописи, издание которой было отложено в связи с обстоятельствами военного времени. Не случилось оно и по окончании войны. В 1946 г. увидела свет популярная и весьма краткая книга С. А. Кауфман⁶, основанная на материалах рукописи Ильина (о чем официально сказано на обороте титульного листа). Но сам труд Ильина так и остался неопубликованным. Можно предположить, что причин для этого было несколько.

Лев Александрович Ильин погиб в блокадном Ленинграде 11 декабря 1942 г. во время артиллерийского обстрела. Эта судьба трагична и символична одновременно: Ильин стоял у истоков изучения и охраны старого Петербурга, в советские годы возглавил созданный им Музей города, фактически исполнял обязанности главного архитектора Ленинграда. В лихую годину он разделил со своим городом тяготы его положения, занимался обмерами и фиксацией памятников архитектуры: эти материалы могли потребоваться в случае их разрушения. В те суровые дни Ильин работал над книгой «Прогулки по Ленинграду», которая была издана только в 2012 г. Государственным музеем истории Санкт-Петербурга. Как видим, научное и литературное наследие Ильина во второй половине ушедшего века было почти забыто⁷.

Примечательно, однако, что «не повезло» в послевоенные годы не только автору рукописи, но и ее герою. Упомянутое компактное издание 1946 г. можно было расценивать как своего рода проспект полноценной монографии об архитекторе, ведь именно так случилось с И. А. Фоминым: вышедшая синхронно с книгой С. А. Кауфман о Щуко небольшая работа о Фомине М. А. Ильина получила развитие в монументальном томе, подготовленном М. А. Минкусом и Н. А. Пекаревой и увидевшем свет в 1953 г.

В начале 1950-х гг. была издана целая серия подобных солидно оформленных книг о советских архитекторах (почти все они начинали свой творческий путь до революции). Кроме тома о Фомине, можно назвать монографии, посвященные А. О. Таманяну (1950), С. А. Дадашеву и М. А. Усейнову (1951), А. В. Щусеву (1952). Издание серии прекратилось вместе с эпохой «сталинской» архитектуры в середине десятилетия. Но показательно, что Щуко не был включен в обойму важнейших мастеров, которыми серия открывалась.

Справедливости ради: важность Щуко для истории отечественной архитектуры никогда не подвергалась сомнению. Произведения этого архитектора неизменно фигурировали в обзорных трудах. К столетию мастера в Государственном научно-исследовательском музее архитектуры им. А. В. Щусева была организована ретроспективная выставка его работ, снабженная печатным каталогом со вступительной статьей Е. В. Васютинской⁸. Тогда же в ленинградской серии «Зодчие нашего города» вышла популярная книга о Щуко Т. А. Славиной⁹. Но все эти публикации лишь отчасти заполняли пробел на месте несостоявшейся монографии об архитекторе.

Переоценка ценностей, ознаменовавшая выход знаменитого Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве» 1955 г., лишила и фигуру Щуко, и текст Ильина былой актуальности. Созданный на пике сталинской эпохи, этот труд наполнен соответствующим пафосом, хотя и не содержит ритуальных отсылок к решениям партийного руководства и цитат из выступлений вождя. Не приходится сомневаться в том, что фразы о Щуко вроде «только после Великой Октябрьской революции этот мастер... получил возможность реализовать в камне и бетоне свои блестящие качества архитектора и художника» были для Ильина результатом компромисса. Самого его интересовали в творчестве выдающегося коллеги и однокашника несколько иные вещи.

Перед нами текст, включающий в себя как бы два смысловых пласта. Первый — чисто внешний, описывающий Щуко как крупнейшего советского архитектора, которому высшее руководство страны и партии доверило проектирование «величайшего архитектурного произведения эпохи», Дворца Советов. Надо сказать, что Ильин, писавший свой труд в 1939–1941 гг., когда строительство этого суперсооружения шло полным ходом,

От составителей

От состави-
телей

вполне мог разделять оптимизм в отношении перспектив этого грандиозного замысла. Работа по проектированию Дворца акцентирована Ильиным как вершина профессионального развития Щуко.

Впрочем, выделив для разговора о Дворце Советов самостоятельную главу, он наполняет ее страницы подробным, но довольно индифферентным формальным анализом многочисленных вариантов проекта. Пожалуй, эта последняя глава — наименее удачная в рукописи Ильина; дойдя до нее, читатель не застрахован от ощущения скуки. Понимая, что без этой главы работа о творческом пути Щуко была бы вопиюще неполной, возможно, тем не менее, усомниться в актуальности всего сочинения Ильина для сегодняшнего дня: для научного труда 80 лет — это серьезное испытание временем.

Сегодня есть все основания и возможности писать об истории архитектуры иначе, строже относясь к терминам и выскальнее — к источникам. Переменились оценки: давно оспорен взгляд на конструктивизм как на вредное заблуждение, а поворот сталинской архитектуры к освоению исторического наследия сегодня трактуется по меньшей мере неоднозначно.

И вот здесь существенно обратить внимание на второй смысловой пласт публикуемого текста. Он является документом культурной эпохи, применительно к литературе обозначенной как Серебряный век, а в отношении пространственных искусств так и не получившей устойчивого названия. Поскольку речь у нас идет об архитекторах-академистах, вступивших на профессиональное поприще в 1900-е гг., позволительно говорить об эпохе неоклассики. И Владимир Щуко, и Лев Ильин, вышедшие из мастерской Л. Н. Бенуа в Высшем художественном училище Императорской Академии художеств, были убежденными приверженцами *традиции* в архитектуре. В последующие годы творческие пути и воззрения их могли различаться; Щуко был более артистической натурой, не чуждавшейся экспериментов, Ильин склонялся к ученой кабинетной работе. Однако для нас существенно именно то, что рукопись отражает взгляд последовательного неоклассика, — взгляд не только на творчество конкретного коллеги, но и на всю картину отечественной архитектуры первой половины XX в. Труд Ильина ценен сегодня не столько как научная монография, сколько как источник, свидетельствующий об авторе не менее, чем о герое, и в той же степени — о непростом времени, в которое им обоим выпало жить и работать.

Текст написан не просто свидетелем, но участником событий, что не могло не сказаться на стилистических и даже жанровых характеристиках рукописи. Конечно, автор старался придерживаться высокого академического стиля, например упоминая о самом себе исключительно в третьем лице. Но наряду с этой вышедшей из обихода профессорской церемонностью присутствует личное, откровенно субъективное восприятие созданного коллегой. В разных эпизодах своей профессиональной биографии Ильину доводилось выступать и сотрудником, и конкурентом Щуко. Это объясняет, в частности, то, почему труд Ильина совсем не похож на иные панегирические сочинения о советских архитекторах. Ильин пишет о слабых, на его взгляд, местах в работах Щуко; его критика касается не только проектов, но и реализованных зданий. Можно предположить, что эта критическая заостренность и оценочность суждений Ильина также повлияла на судьбу рукописи в послевоенное время.

Рукопись была разделена автором на шесть глав, имеет довольно компактное введение и столь же краткое заключение, но при этом снабжена объемными списками — архитектурно-проектных и театрально-оформительских работ Щуко. При всей подробности списки эти содержали в авторской редакции некоторые неточности. Кроме того, изменились сравнительно с 1941 г. и многие реалии. В частности, театрально-декорационное творчество Щуко полностью перешло в область истории сценографии, поставленные с его участием спектакли к настоящему времени исчезли из репертуара.

Научно-справочный аппарат основного текста по современным меркам выглядел очень скромным, поэтому немалую долю труда по подготовке издания составило восполнение этой лакуны. Комментарий включил в себя не только разъяснение специальных терминов, расшифровку аббревиатур и инициалов, но и более существенные моменты, касающиеся, например, организации учебного процесса в дореволюционной Академии художеств или творчества коллег-современников Щуко.

Приложенный к рукописи Ильина громоздкий список публикаций самого Щуко и о нем, составленный библиографическим отделом Библиотеки Всесоюзной академии архитектуры СССР, мы сочли необходимым основательно отредактировать и сократить. Причиной такого решения, во-первых, стали многочисленные ошибки, выявленные в этом списке и сильно снижавшие

От составителей

*От состави-
телей*

его научную ценность, а во-вторых, то обстоятельство, что библиография не являлась частью авторского труда Ильина. Также нами был добавлен указатель имен — едва ли не обязательный элемент всякого исторического издания.

Важно отметить при этом, что публикаторы-составители не ставили своей целью модернизацию работы Ильина, с тем чтобы превратить ее в современное историко-архитектурное исследование. В большой степени это было бы невозможно, но еще вернее — просто не нужно, ввиду исторического значения рукописи, о котором говорилось выше. Поэтому мы с самого начала стремились минимизировать вмешательство в оригинальный текст. Были уточнены заголовки глав, сформулированные Ильиным предварительно, в «рабочем порядке». Устранены шероховатости текста, которые должны были попасть в поле зрения первого же редактора рукописи, если бы это случилось восемь десятилетий назад.

Кроме того, мы позволили себе дополнить рукопись Ильина приложением, в которое вошли заслуживающие внимания и также прежде не публиковавшиеся материалы о В. А. Шуко. Это, во-первых, автобиография архитектора, составленная в связи с процедурой присвоения ему звания академика архитектуры, которая состоялась на собрании Императорской Академии художеств 24 октября 1911 г. Этот документ позволяет внести окончательную ясность в вопрос о месте рождения Шуко (это Берлин, хотя имеется и версия о том, что зодчий появился на свет в Тамбове), а также содержит некоторые подробности относительно его заграничных поездок.

Более объемные воспоминания Владимира Оскаровича Мунца (1903–1974), хорошо знакомого с Шуко в 1920–1930-х гг., особенно ценны ввиду острой бытовой наблюдательности их автора. Этот фрагмент, взятый из письма одному из корреспондентов В. О. Мунца, менее всего похож на официозные мемуары о великих. Скорее напротив, и фактура, и интонация этого текста заставляют подозревать автора в гротескной трансформации действительности, в карикатуризации образов.

Это могло быть следствием яркого темперамента мемуариста, о котором его родная сестра, художница Наталья Оскаровна Мунц, писала: «Вспоминаю с особым удовольствием авралы перед подачей проектов. Сначала курсовых, потом заказных и конкурсных. <...> К Володе лучше не подходить: он напряжен как струна. Кисти в обеих руках, благо он левша и ему всё равно.

То царит напряженное молчание, то поднимается крик — это Руднев¹⁰ и Володя решают творческие вопросы. Раз в азарте Володя запустил баночку с клеем через всю комнату в Марьяку Шрётер¹¹. Не попал»¹².

Эта эмоциональная подробность хорошо «рифмуется» с воспоминаниями самого Мунца о Щуко и Гельфрейхе и передает мало с чем сравнимую атмосферу, царившую в квартирах петербургских зодчих начала XX в. Для представителей архитектурного цеха эти пространства служили одновременно жилищем, салоном богемы и мастерской. Повседневность ленинградской квартиры Щуко, описанная Мунцем, служит хорошей иллюстрацией такого образа жизни. Бытовая рутина вроде оплаты счетов, покупки провизии или банальных ответов на телефонные звонки угрожала профанацией служения искусству. Поэтому Щуко предпочитал манкировать этими хлопотами.

В совокупности тексты Ильина и Мунца формируют объемный образ В. А. Щуко, лишенный всякой лакировки и монументальности. Это портрет человека и художника, не чуждого противоречий и слабостей. Но тем рельефнее и удивительнее выступает энергия его беспрестанной художественной работы, подлинной жизни в искусстве.

Хочется надеяться на то, что предлагаемое издание послужит стимулом для новых исследований жизни и творчества В. А. Щуко, который, несомненно, заслуживает серьезной современной монографии.

Илья Печёнкин, Ольга Шурыгина

От составителей